

Анджей Беловранин

Достойные жалости

фантастическая повесть

Анджей Беловранин
Достойные жалости

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Беловранин А.

Достойные жалости / А. Беловранин — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Фантастическая повесть об инженере, приезжающем в командировку на военный завод. На режимном объекте царит странное разгильдяйство, которое должно было бы стоить местным работникам жизни - но они почему-то прекрасно себя чувствуют. Инженер вынужден заняться разгадыванием тайны, ведь его собственная жизнь и рассудок находятся под угрозой.

ДОСТОЙНЫЕ ЖАЛОСТИ

повесть by Анджей Беловранин

День первый

Бесконечное голубое небо проглядывало сквозь обломанные ветви вязов, лет сорок назад посаженных вдоль дороги. Меж ними то тут, то там поднимали неряшливые кроны молодые березки: последние годы за аллеей никто не ухаживал, и деревья росли, как попало.

Солнце, яркое, как летом, заполняло собой все вокруг, и запыленные окна микроавтобуса казались отвратительно грязными на неожиданно ярком свету. Четыре черные трубы выпускали из себя белый дым и, поднимаясь из-за холма впереди, словно маяк, указывали на конечную точку их пути.

Мимо то и дело проносились тяжелые армейские грузовики.

– Хороший денек, – извиняющимся голосом сказал шофер, приоткрыл окно и суетливо закурил сигарету. Роберт несколько раз подозрительно вдохнул и выдохнул, но дым послушно вылетал в окно, и повода для начальственной выволочки не было.

– Да, денек что надо, – пробормотал Роберт.

– Что?

– Нормальный, говорю, день! – раздраженно прикрикнул Роберт. – Даже странно. Слишком красиво для такой помойки.

– Ничего странного, – объяснял шофер. – Вообще-то тут климат дождливый, но когда завод дымит – все время солнышко, будто на курорте! Ребята говорят, что эта дрянь облака растворяет подчистую.

– Как только деревья от этой гадости не мрут? – задумчиво спросил Роберт.

– Мрут, как миленькие! Только как-то странно: в одном месте ничего не растет, и вода воняет, а в ста метрах – пожалуйста, роща, все деревья – как из оранжереи, и даже грибы! Только, слышь, их есть нельзя – они всю химию, как губка, впитывают.

Роберт подумал, с каким странным убеждением повторяет этот человек чужие слова. Наверное, то, что «грибы – как губка» когда-то так поразило его воображение, что он затвердил эту формулу навечно. Как тысячу лет назад его прапрапра, какой-нибудь пузатый мельник, затвердил, что земля плоская и лежит на трех черепахах.

– ...Но я от одного научника в баре слышал – они там надираются каждый день еще круче наших! – что дело, слышь-ты, не в химии, а в давлении, – продолжал между тем водитель. – Вокруг работающего завода зона этого высокого давления, и отсюда все время ветер дует, поэтому облаков нет. А-а... антициклон!

Вот так вот, подумал Роберт. Ветер отсюда дует во все стороны, и вся эта мерзость разлетается на сотни километров вокруг. И двухголовые телята, и младенцы без глаз.

Солнце светит. Значит, завод работает; прямо сейчас работает...

Роберт подскочил, как ужаленный:

– Ты что, идиот?! Окно закрой сейчас же!

– Да ладно... – забормотал шофер.

– Закрой, сказал, козел!

Шофер спешно затянулся, выкинул окуроч, выдохнул дым в щель и завертел ручкой стеклоподъемника.

– Кретин, – тихо проговорил Роберт.

– Да ладно, – опять начал шофер. – Фигня все это! Мы же все время ходим, дышим, ничего, живы все...

– Вы что, без респираторов ходите? – удивился Роберт. – Просто по улице?

– Да в них же дышать невозможно! Конечно, ходим.

– И что, никто не запрещает?

– Ну почему, устраивают разносы, регулярно. Да только... Ничего же не чувствуется! Ни дыма, ни гари никакой нет. И вообще, ребята говорят, что эта дрянь через кожу так же впитывается, как и через легкие, так что мы все тут уже «надышались»... – и шофер обиженно замолчал.

«Нет, все-таки какой кретин!» – подумал Роберт.

Машина выскочила на вершину холма, и четыре трубы-«указателя» воткнулись в бетонные корпуса завода.

Шофер неудобно потянулся через весь салон к бардачку.

– Сейчас я там... – он покопался в куче хлама и наконец выудил оттуда два респиратора. – Вот.

Он оставил один на коленях Роберта, второй небрежно нацепил себе на шею. Уродливая маска бессмысленно болталась, и видно было, что водителю она нужна, как мертвому зонтик. Роберт, напротив, сразу надел свой респиратор, натянул перчатки и тут же подумал, что, пожалуй, надо это было сделать раньше, усыпил его шофер своей тупой беспечностью.

Дышать в маске было тяжело, намного тяжелее, чем положено: видимо, фильтр засорился. Роберт снял респиратор и осмотрел его: точно, вся пластиковая решетка была залеплена каким-то мусором и грязью: этой штукой давно уже никто не пользовался. Роберт быстро, как мог, прочистил прорези и снова натянул маску; дышать стало чуть легче.

Микроавтобус остановился на КПП. Шофер махнул рукой солдату в сторожке, тот лениво вышел из нее, поднял шлагбаум и тоже махнул рукой – проезжайте. Маска висела у солдата на груди.

Машина подкатила к бетонному крыльцу скучного серого здания. Бетон потрескался, в расщелинах виднелись пучки сухой травы. На стене рядом с плотно прилегающей, обитой деревом дверью висела табличка: «Военно-Химический Е.И.В. Завод. Управление». Табличка была старая, но ее регулярно протирали от пыли и грязи, что была заметна – по контрасту с окружающей ее стеной.

Роберт выскочил из машины, распахнул дверь и вбежал внутрь: он пытался как можно меньше времени находиться на открытом воздухе.

Оказавшись в тамбуре, он сразу закрыл дверь и с удивлением обнаружил, что она не обита деревом, а целиком деревянная, как и вторая дверь, ведущая в холл, которая, против уже всяких принципов безопасности, была открыта и даже приперта кирпичом, чтобы не захлопываться. Шлюзовой очиститель воздуха исправно гудел на стене, как маленький сердитый ослик, счетчик крутился, бессмысленно отсчитывая кубометры избавленного от вредных примесей воздуха: без герметичных дверей тамбура эффекта от его работы было не больше, чем от используемого для тех же целей посудного ершика.

Такое пренебрежение к жизни и здоровью людей окончательно взбесило Роберта. Он вошел в холл, и на него удивленно посмотрел дежурный сержант, скучавший в своей будке: видимо, нечасто здесь появлялось новое лицо, и уж тем более в штатском.

Дежурный попытался что-то спросить и даже открыл для этого рот, но Роберт перебил его, вернее, попытался перебить – но вместо молодецкого гарканья в полутемном холле раздались только какие-то глухие квакающие звуки: на лице у него все еще торчал респиратор. Это была уже последняя капля. Яростно сорвав бесполезный намордник, Роберт проорал:

– Где эта скотина директор?!

– Господин директор в отъезде, господин заместитель господина директора, капитан Вильгельм Коффин у себя в каби...

– Где это?!

– Второй этаж, налево по коридору вторая дверь, – последние слова сержант кричал уже в спину избегающему по лестнице Роберту, а когда тот окончательно скрылся из виду, до него донесся еще и жалобный вопрос:

– Могу я узнать фамилию господина посетителя?.. – но за недисциплинированным господином посетителем дежурный не поспешил: похоже, ни в коем случае не имел права покидать свой пост.

Роберт легко нашел дверь с табличкой «Капитан Вильгельм Коффин. Заместитель директора» и дернул ее изо всех сил, не постучавшись. Звякнув, отлетела хлипкая щеколда, на которую, видимо, была заперта изнутри дверь, и Роберт оказался свидетелем того, как господин заместитель господина директора Вильгельм Коффин, приятной внешности мужчина лет сорока, с небольшими залысинами, спешно прячет в ящик стола какой-то предмет, который, судя по судорожным движениям господина заместителя, способен был его серьезно скомпрометировать.

– Что? По какому?.. Кто, черт побери?.. – осекаясь, завозмутился капитан, и лицо его немедленно начало наливаться краской. На секунду Роберт опешил: все получилось как-то слишком нелепо – но тут же опомнился и заорал:

– Что за бардак у вас на режимном объекте?!

Вильгельм Коффин мгновенно проникся тонкостью ситуации, вновь побледнел и уже совершенно спокойно спросил:

– С кем, собственно?..

– Роберт Сонц, инженер вентиляционных систем. Какого черта тут творится? Почему дверь тамбура нараспашку, и деревянная к тому же?! Почему, – взгляд его упал на окно, – почему у вас форточка открыта, идиот, самоубийца?!

– Ах да, господин Сонц! Мы же за вами машину отправляли, да, да, очень приятно, Вильгельм Коффин, в отсутствие директора – команду заводом. Ну и как, хорошо добрались?..

– Почему форточка открыта?!

– Да, да, согласен, недоработка, – забормотал Коффин, тяжело выбрался из-за стола и закрыл форточку – сначала во внешней раме, потом вторую, потом третью, внутреннюю.

– Что значит – недоработка?! Инструкции для кого пишутся?! Вам что тут всем, жить надоело?!

– Никак нет, господин Сонц! Как раз хорошо, что вы приехали, нам давно пора модернизировать фильтры вентиляции... Буквально задыхаемся... – Вильгельм заискивающе улыбнулся. – Вот видите, – он указал на форточку, – даже приходится иногда идти вразрез с инструкциями...

Роберт взял себя в руки: надо спокойно разобраться. Замдиректора, похоже, полный придурок, но не настолько же, чтобы не суметь ответить на несколько простых вопросов.

– Почему у вас персонал без респираторов по улицам ходит? – спокойно спросил Роберт и без приглашения уселся в кресло. Вильгельм, почувствовав, что разговор, похоже, переходит в более дружелюбное русло, тоже присел, соорудив на лице озабоченное выражение:

– Кто, фамилия, звание? Будет строго наказан. В соответствии с приказом 788-26, индивидуальные средства защиты, РМ-4, респиратор-маска четвертой модели, обязательные ежеквартальные проверки, в случае обнаружения дефектов – ремонт, в случае невозможности ремонта – замена, всегда имеется резерв на складе в количестве 1,2 маски на человека.

– Дверь у вас деревянная – это почему еще?

– Недофинансирование... Замена дверей Управления на стальные внесена в смету на следующий месяц...

– Вы что, правда идиот, или притворяетесь? До следующего месяца вы не доживете.

Вильгельм тупо посмотрел на него и, хлопнув себя рукой по груди, преданно выдал уже такое, что Роберт чуть со стула не упал:

– Приложу все силы, господин инженер!

Роберт почмокал губами, раздумывая над этим ответом, и наконец произнес:

– Ну что ж, постарайтесь, я проверю, – и добавил грозно, – если что, *ужо* будет вам!

«Пора заканчивать с этим бредом, – подумал Роберт. – Надо хоть одного соображающего человека найти».

– Где мне разместиться? А, да, и как поговорить с главой научной группы?

– Глава научной группы, господин полковник Вадим Кулев в отъезде, его заместитель – лейтенант Герман Шульк, я распоряжусь, чтобы он вас нашел. Вам сейчас в 10-й жилой корпус.

– Оборудование. Я за разгрузкой сам должен наблюдать, там хрупкое все.

– Удобней всего будет там же, в грузовой 10-го корпуса, там сейчас пусто практически.

– Хорошо. Я сейчас туда направлюсь, а вы мне этого, как его... Шулька как можно быстрее пришлите. Да, и мне понадобятся люди. Человека четыре. На пару месяцев, я думаю, управлюсь.

– Будет исполнено. Когда им явиться?

– Пусть приходят завтра к 10 утра, – Роберт тяжело поднялся со стула и вышел не прощаясь. Вильгельм вытянулся во фронт перед его спиной, весь облик его излучал непробиваемый оптимизм и какое-то собачье рвение.

Спускаясь к машине, Роберт размышлял, что же этот солдафон прятал такое у себя в столе? Пасьянс, что ли, раскладывал в рабочее время, или детскую порнографию смотрел? А может, самолетик клеил? Роберт знал одного такого бравого вояку, у которого в жизни только одно желание и было: чтобы его оставили в покое и дали соорудить очередной чудо-памятник из истории авиации.

Дежурный, о котором Роберт уже успел забыть, раболепно пытался преградить ему путь и выведать «фамилию и цель визита господина посетителя». Вся ситуация провоцировала Роберта по-барски послать его подальше, сказав что-то вроде: «Пошел прочь, холоп!» – и интуиция подсказывала ему, что сержантик действительно убрался бы, но Роберт почувствовал, что уже немного переигрывает, и согласился выполнить формальности.

Как только его подпись появилась в толстой канцелярской книге, к дежурному вернулась былая самоуверенность: порядок был восстановлен, и мир вновь вернулся на свои рельсы.

Выходя на улицу, Роберт машинально натянул респиратор, открыл дверь ожидавшего его микроавтобуса и был встречен полуютвердительным вопросом шофера:

– В десятку?

Роберт кивнул и сел в кабину. Машина дернулась и потряслась по грязноватым асфальтовым улочкам, и уже через пару минут остановилась у бетонного пятиэтажного корпуса.

Роберт открыл дверь и вышел. Прямо на крыльце, сидя на бетонных перилах, курили трое солдат в рабочей одежде. Они оценивающе посмотрели на Роберта, на его респиратор, и тот физически ощутил их неприязнь. «К черту!» – подумал Роберт и, демонстративно не глядя на них, прошел внутрь здания.

Комендант десятого общежития, только увидев Роберта, сразу потребовал ордер на вселение, который, как оказалось, заместитель директора с испугу (или из мелкого желания нагадить?) забыл выписать. Пришлось звонить Вильгельму, тот извинялся и просил заехать за ордером, на что Роберт так далеко послал его, что уже через три минуты господин Коффин сам прибежал в кабинет коменданта.

В отличие от замдиректора, комендант не испытывал перед специалистом по вентиляции никакого пиетета и, похоже, легко оставил бы Роберта ночевать на улице, если бы ордер каким-нибудь непостижимым образом не удалось бы достать.

Наконец, Роберт добрался до своей комнаты. В ней были мерзкие грязно-зеленые стены, престарелая деревянная кровать и одинокая тумбочка – зато на ней стоял новехонький цветной телевизор. Кроме того, каким-то чудом в распоряжении Роберта оказалась отдельная ванная.

Уже имевший немалый опыт пребывания в общежитиях режимных объектов, он первым делом проверил, есть ли горячая вода. Вода, как ни странно, обнаружилась, хотя и была какого-то подозрительного желтоватого цвета, и Роберт отказался от мысли принять душ.

По идее, нужно было спускаться вниз, руководить разгрузкой микроавтобуса. Но Сонц решил сначала дождаться научника.

От нечего делать ткнул кнопку телевизора. Тот не включился. Роберт хмыкнул, словно встретив старого знакомого, повесил на вешалку куртку и респиратор и упал на кровать.

Роберт привык общаться с военными свысока: специалистов по вентиляции было мало, а стратегических объектов у Его Императорского Высочества – девать некуда. Так что, как ни крути, он командирам особых дивизий и директорам секретных заводов был куда нужнее, чем они ему. Но раньше Роберту все же не приходило в голову орать на них и, так сказать, «стучать кулаком по столу». Как-то не способствовала такому поведению обстановка на режимных объектах. Но вся здешняя атмосфера словно провоцировала его вести себя особенно свысока...

Минут через десять, когда он уже начал засыпать, в дверь неуверенно постучались.

– Да, – хрипло крикнул Роберт, и в то же мгновение перед ним предстал худой прыщавый юноша. Форма на нем сидела хуже, чем на пугале. «Пигалица», – подумал Роберт.

– Господин Сонц? – с ужасом спросил он. – Лейтенант Герман Шульк, заместитель главы научной группы Военно-Химического Его Императорского Высочества Завода.

– Садитесь, лейтенант, – Роберт указал юноше на шаткий стул, сам усевшись на кровати.

Герман послушно опустил на самый краешек стула, напряженный настолько, словно готовился по команде вылететь в стратосферу.

Роберт внезапно тоже почувствовал себя неловко, откашлялся – и вдруг понял, что ничего спрашивать у *такого* замглавы научгруппы ему не хочется. «Ощущение такое, что они все меня не за того принимают. Глядишь, еще взятки начнут совать...» – подумал он и наконец спросил:

– Как здоровье?

– Спасибо, прекрасно, – выпалил лейтенант и побелел, как полотно.

– Прекрасно... – задумчиво протянул Роберт и вдруг заметил, что внешний вид Пигалицы не соответствует приказу 788-26: на длинной щуплой шее нет и следов респиратора. Промелькнула гаденькая мысль: «Вот сообщить Коффину твои фамилию и звание...» – но Сонц себя оборвал. Однако нашлась возможность продолжить беседу.

– Как же оно может быть прекрасно, если вы ходите по улице без респиратора? А выбросы? – Роберт спрашивал нарочно ровным и безразличным голосом, чтобы не перепугать Шулька еще сильнее.

Герман молчал, не сводя глаз с Сонца и, казалось, даже не моргая. Только все не мог найти, куда деть руки: то засовывал их под себя, то складывал на коленях, то хватался за края стула.

– Отвечайте же, черт побери! – раздраженно воскликнул Роберт.

– Не знаю, все ходят, вот и я, – тут же растерянно пролепетал Герман.

– Вы ученый?

– Я... да, конечно.

– Вы когда-нибудь слышали о... ну хотя бы вредном воздействии тяжелых металлов на организм?

– Да, конечно! – радостно закивал Шульк. – Тяжелые металлы – это металлы с относительной молекулярной массой выше сорока; способны накапливаться в организме человека, вызывая ряд заболеваний, как то: раковые заболевания, заболевания печени, щитовидной железы, катаракту, заболевания нервной системы, двигательные расстройства...

– Давайте зачетку, – перебил Роберт.

Шульк окончательно потерялся, и Роберт мысленно обругал себя за то, что не сдержался.

– Вы понимаете, что дышите этими самыми металлами, и вот это вот все, что вы сейчас сказали – оно вам уже наверняка обеспечено? – мягко спросил он.

Но мягкий тон испугал Германа еще больше.

– Я постараюсь испугать... – неожиданно забормотал он.

Роберт глубоко вздохнул.

– Послушайте, как вас, Шульк, – начал он, смотря в сторону. – А есть у вас в научной группе... ну кто у вас на самом-то деле руководит работой?

– Я как заместитель...

– Да заместитель вы, заместитель! – снова вспыхнул Роберт. «Что это я, неврастеником с ними сделался?» – мелькнула мысль. – Кто распределяет обязанности лаборантам?

– Господин доктор Мунге, – сразу отозвался Герман, радуясь, что наконец-то может угодить. – Господин доктор Йозеф Мунге.

– Слава Господу Богу и его апостолам! – с улыбкой выругался Роберт, и Шульк немедленно заулыбался, подобострастно, хоть пока и несмело. – Ладно, пусть зайдет ко мне через час, когда я закончу разгрузку, – Роберт встал с кровати.

– Есть, – кивнул головой Герман и вскочил по стойке смирно. – Только он не пойдет, – радостно добавил Пигалица, расплывшись в идиотской улыбке.

– Почему? – еще более солнечно спросил Роберт.

– Ну как, это же господин доктор Йозеф Мунге, – Герман снова стал сползать в неуверенность.

– А, понятно! – спохватился Сонц, чтобы собеседник не успел снова перепугаться. – Хорошо, так где можно его найти?

– Сегодня господина доктора на рабочем месте уже нет, он всегда уходит с обеда, – любезно сообщил Герман. – Так что завтра... завтра у нас среда, с девяти до двенадцати в лаборатории.

– Прекрасно. Сообщите тогда ему сегодня, что завтра я зайду, пусть дождется, – улыбаясь, проговорил Роберт, указав Шульку на дверь и потихоньку подталкивая его рукой в спину.

– Есть, – ответил Герман, и добавил, уже оказавшись за порогом, – только я не смогу его сегодня увидеть, и он никого не будет дожидаться.

– А почему вы не сможете его увидеть? – задрал брови Роберт, не стирая с лица улыбки.

– Потому что господин доктор уже у себя в корпусе, – ответил Шульк, уходя по коридору. – До свидания, господин Сонц!

«К черту, – подумал Роберт. – Завтра все выясню... Откуда же берутся такие идиоты?!»

Он вернулся в комнату, захватил куртку, надел ошейник респиратора и, захлопнув дверь, поплелся вниз – следить за разгрузкой.

Прежде чем спуститься в первый подвальный этаж, Роберт предусмотрительно застегнулся и надел маску и перчатки.

За простой одинарной дверью под лестницей оказался просторный гараж, плавно переходящий в склад. Микроавтобус стоял неподалеку, раскрытыми дверьми к бетонному пандусу, на котором уже дождался миниатюрный автопогрузчик.

На пандусе сидел, болтая ногами и лениво смоля сигарету, знакомый водитель, а рядом о чем-то оживленно спорили два рядовых: один стоя с автоматом, висевшим на ремне на шее, второй – сидя за рычагами погрузчика. Ворота в подвал-склад были, как и положено, двойные, с просторным тамбуром, в котором при необходимости поместился бы танк, и четыремя мощными воздухоочистителями, три из которых молчали, а четвертый надрывался – по звуку было слышно – из последних сил. И, само собой, обе створки ворот были подняты. В гараж, высовываясь из-за соседнего корпуса, заглядывало красное вечернее солнце.

Роберт остановился в дверях, тяжело дыша через респиратор и растерянно глядя на эту картину – трех человек, которым даже в голову не приходило, что жизнь их висит на волоске. Вернее, должна бы уже упасть в пропасть, но пока почему-то парит в воздухе.

– ...а я тебе говорю – фторид азота! – упорно повторял оператор погрузчика. – Для ракетного топлива.

– Какое ракетное топливо, когда всем известно, что мы его не производим! – воскликнул солдат с автоматом.

– Во-во! – поддакнул водитель.

– А что мы производим? – ехидно скривился оператор, и без паузы продолжил, – во, не знаешь!

– Это я-то не знаю?! – завелся солдат. – Да все знают! Эти, бремсбаки.

– Ага, бремсбаки, – подтвердил шофер. – На коробках так написано. Я этих коробок, слышь-ты, уже под сотню рейсов до Слюмета сделал. Какие-то... допельбремцы и бремсбаки, точно.

– Сам ты бремсбаки! – презрительно обрезал их оператор. – Вы что, оба совсем плохие? Это ж конспирация!

«Доппельбремсклотц, бремсбакэ, – догадался Роберт. – Тормозные колодки, только по-немецки. Прав погрузчик – откуда тормозные колодки на химическом заводе?» Ему не раз приходилось сталкиваться с подобными «шифрами», не имевшими под собой никакой логики: «резиновыми кольцами В-8» называли пулеметные ленты, «эпоксидной смолой» – шасси для бомбардировщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.